

О ПРЖЕВАЛЬСКОМ И. А. — в ГПУ

ПРЖЕВАЛЬСКИЙ Иосиф Александрович, родился в 1905 в деревне Мурашки Суражского уезда Витебской губ. Проживал с семьей в деревне Хаещины, занимался сельским хозяйством. 11 января 1928 — арестован по групповому делу, 22 июня приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Тобольский округ. Весной 1929 — в ГПУ обратилась с заявлением его жена Анна Ивановна Пржевальская.

<Весна 1929>

«В Главное Государственное Политическое
Управление СССР. Москва

Гр<ажданки>ки дер<евни> Хаешино
Пышниковского с<ель>с<вета>
Суражского района Витебского округа
Пржевальской Анны Ивановны.

По постановлению Главного Политического Управления СССР, в Москве от 22-го июня 1928-го года вынесен приговор моему мужу, Пржевальскому Иосифу Александровичу. На основании приговора в начале августа прошлого 1928 года он выселен в пределы Уральской области, Тобольский округ, село Бозяны сроком на 3 года. 4-го июня 28-го г<ода> я лично с заявлением обращалась к Вам и Верховному Прокурору СССР. В заявлении подробно были изложены все факты сплошной клеветы со стороны 2-х – 3-х граждан сего с<ель>с<вета>, жертвой которой очутился мой муж. Одновременно с заявлением мною было подано в редакцию местной газеты "Заря Запада" и в центральный орган "Правды" лично тов<арищу> Кольцову с просьбой разоблачить все на месте. Верховным Прокурором мне в 2-х часовой беседе с ним было обещано сделать все зависящее для выяснения на месте. Действительно, примерно в течение июля м<еся>ца на месте в наш с<ель>с<вет> выбывал Прокурор Витебского округа совместно с корреспондентом местной газеты, где проводили собрания, и население целиком подтвердило факт клеветы на моего мужа и некоторых других гр<ажда>н с<ель>с<вета>, также жертв клеветы. Но, как я выше указала, это было в начале июля, а постановление по делу моего мужа вынесено 22 июня, т<о> е<сть> до расследования на месте. Зная своего мужа, как человека всегда и во всем шедшего навстречу нашей рабоче-крестьянской власти и как действительного труженика-хлебороба с первых дней, я вполне уверена, что данное ему наказание есть целиком незаслуженное и вынесено на основании лишь тех фактов, кои — сплошная клевета. Возможно, что органы ГПУ при обсуждении вопроса о моем муже руководствовались его бывшим званием дворянина.

В отношении такого дворянина вопрос обстоит очень просто. Бывшее звание его, как и других крестьян-католиков в Белоруссии, больше чем наполовину носили звание дворян, а остальные были мещане, совершенно независимо от их рода занятий и образования, а просто не иначе, как со времени захватнического владычества тут польских королей. В действительности все католики деревни данной местности есть только хлеборобы, как пользовались совершенно одинаковыми правами наравне со всеми крестьянами хлеборобами, за исключением, конечно, помещиков. Отец моего мужа как раз был даже рабочий, так как с малых лет он жил на аренде у панов. И был одним из передовых рабочего движения в 1905 году, когда поднял голову против своих угнетателей помещиков — действительных дворян, на кот<орых> весь свой век работал, за что он

долго томился в царской тюрьме и Витебским окружным судом был оправдан. С семьей перешел жить к своей замужней бездетной сестре, а по смерти ее он сначала арендовал от ее мужа землю, а потом откупил и также купил от другого соседа, уехавшего жить в Смоленскую губернию. Вот каким способом отец моего мужа добился до собственности 40 десятин земли при семье в 10 душ. По увольнению с военной службы мужу моему отцом было дано 9 дес<ятин> земли. Благодаря наших совместных с мужем тяжелых мозолистых трудов и помощи лесом нашей рабоче-крестьянской власти, мы возвели на этом участке чуть ли не всю необходимую для крестьянской жизни постройку, ввели полный севооборот, завели племенной скот и вообще поставили хозяйство на должный уровень, вкладывая в него все средства доходности, поддерживая его, этим самым надеясь на лучшее будущее. И вот теперь, как говорится, стали на ноги, и маленькое хозяйство наше всего в 9 десятин местным агрономом признано интенсивно трудовым и зарегистрир<овано> уже в 1926 году, то некоторым стало завидно, и решили подорвать все добытое нашими кровавыми мозолями, несмотря на жизненные лишения. 7 месяцев мой муж невинно томился в заключении на подкладке, как политический, и как раз в том заключении, где также томился в 1905 г<оду> его отец, тоже, как политический, против царского режима. Вот что могут сделать злые языки из-за зависти. Я осталась одна с ребенком в возрасте 1½ года без куса хлеба, так как в нашей местности в прошлом году погиб весь хлеб из-за непрерывных ливней. Помощи мне ждать не от кого, так как инициатор клеветы стоял у власти вплоть до выезда прокурора на место. Земля у меня наполовину пустует по случаю отсутствия самого хозяина. Уборку скудного урожая прошлого года производить не было кому. Хозяйство и я с ним и с малым ребенком одновременно гибнем от голода и холода. Мой муж, высланный в августе месяце прошлого 1928 года в село Бозяны Тобольского округа, где для хлебороба без какой бы там ни было другой специальности, как мой муж, заработков никаких нет и, конечно, никто ничего не даст, хотя бы для скудного пропитания. Переслав мужу все последнее из хозяйства для поддержания его жизни, я решила вновь обратиться к Вам со слезной мольбой и просьбой о пересмотре дела моего мужа.

Если же Вы почему-либо вновь найдете основательным, хотя и незаслуженным наказание моего мужа, то, принимая во внимание его 7-ми месячное томление в Вит<ебском> исправдоме и 3-х месячное мытарство по пересыльным пунктам до приезда на место ссылки, а равно и 5 месяцев его лишений на месте ссылки, что все вместе составляет уже без малого почти половины его наказания, согласно Вашего постановления прошу о помиловании. Надеюсь, что наше главное Полит<ическое> Управление пойдет навстречу трудящимся хлеборобам Белоруссии, этим самым вернет свободу моему мужу, и жизнь мне с малым ребенком, обреченным на голодную смерть.

Имущественное положение мое: один конь и одна корова, так как имевшуюся вторую я продала на налог и страховку, а теперь, наверно, придется продать и последнюю на хлебные семена.

Просительница: А. Пржевальская»¹.

В середине 1930-х — Иосиф Александрович Пржевальский находился в Сыктывкаре, работал грузчиком в тресте "Комилес". 29 ноября 1937 — арестован, 30 декабря приговорен к ВМН и расстрелян².

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 396. С. 204-205. Автограф.

² «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.